

В. А. ЖУКОВСКИЙ

КУБОК
РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Издательство
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва 1964

Рисунки И. Кускова

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ЕГО БАЛЛАДЫ

Вы прочитаете сейчас два стихотворения выдающегося русского поэта и переводчика XIX века Василия Андреевича Жуковского: «Кубок» и «Роланд оруженосец». Герои этих произведений — молодой паж, чьё имя неизвестно, и Роланд, сын рыцаря Милона, соратника знаменитого полководца Карла Великого — превыше всего ставят доблесть и честь. Жуковский воспевает их мужество, прославляет бесстрашие юности, готовой на подвиги и побеждающей в борьбе злые и мрачные силы. Юный паж бесстрашно бросился в кипящие волны, грозившие ему гибелью, а храбрый Роланд в единоборстве сразил могучего великана и добыл волшебный талисман.

Такие сюжетные стихотворения называются *балладами*. Они звучат торжественно и приподнято: ведь повествование идёт о необыкновенном, легендарном, а иногда таинственном. Автор говорит неторопливо и обстоятельно, задавая вопросы и отвечая на них, повторяя наиболее важные подробности, чтобы слу-

шатель или читатель их лучше запомнил. Ещё большее впечатление достигается неожиданным финалом, то есть концом, где развязывается сюжетный узел.

В центре внимания автора баллады обычно подлинное или сказочное событие, эпизод, очень значительные и глубокие чувства людей, совершающих смелые, самоотверженные поступки. Баллады — это поэтическая дань уважения и преклонения перед ними, величавый памятник героям.

Замечательный русский поэт В. А. Жуковский (1783—1852) написал и перевёл с разных иностранных языков — немецкого, английского, французского — много прекрасных баллад. История, описанная в «Кубке», впервые была изложена в стихах великим немецким поэтом Фридрихом Шиллером, а подвиг юного французского рыцаря без страха и упрёка Роланда пересказал, тоже в стихах, немецкий поэт И.-Л. Уланд. В основе их произведений лежат события, почерпнутые из старинных устных народных преданий и летописи. Так, Шиллер оживил для своих современников, людей XVIII—XIX веков, древнюю, сравнительно малоизвестную легенду о юноше-водолазе, а Уланд хотел показать, каким был в молодые годы Роланд, чей подвиг и чья героическая смерть прославлены в знаменитой поэме — эпосе французского народа IX века — «Песнь о Роланде».

В. А. Жуковский перевёл их произведения на русский язык. Но он сделал это так свободно, с таким блеском и мастерством, что они давно уже печатаются под его именем как его собственные творения. Они стали близки и понятны русским людям и вошли в золотой фонд русской поэзии. И недаром же

А. С. Пушкин, который считал себя учеником Жуковского, писал о нём:

- ...ты глубоко вдохновенный,
- Всего прекрасного певец...

Действительно, Жуковский познакомил русского читателя с лучшими, наиболее светлыми и чистыми образцами мировой поэзии. Начиная от «Одиссеи» Гомера и кончая созданиями Шиллера и Гёте, Вальтера Скотта и Байрона и других современных ему поэтов — всё, к чему прикоснулось лёгкое и искусное перо Жуковского-переводчика, чудесно оживило, засверкало на родном нашем языке, духовно обогащая нас, расширяя наш кругозор. Жуковский один из тех замечательных деятелей русского искусства, кто неустанно пробуждал интерес своих соотечественников к истории и культуре соседних и заморских стран. Творчество В. А. Жуковского — драгоценная золотая цепь, которая связывает воедино — в богатейшую общечеловеческую историю — проявления самых прекрасных сторон людей, к какой бы нации они ни принадлежали.

Верный сын России, преданный и горячий патриот Жуковский многое сделал для развития нашего великого, могучего, звучного языка. В грозную годину 1812 года, когда на нашу родину двинулась походом громадная армия Наполеона, поэт вступил в народное ополчение, чтоб защищать родину от врага с оружием в руках. И тогда он поставил своё перо на службу отечества — так же, как известный поэт-партизан Денис Давыдов — свою гусарскую саблю. Жуковский был старшим другом Пушкина, Лермон-

това, Гоголя. Всё это определяет его почётное место в истории русской литературы.

«Кубок» и «Роланд оруженосец», которые вы прочтёте, — великолепные образцы баллад Жуковского. Смелость и отвага, бескорыстие и прямотушие, где бы, когда бы и у кого бы они ни проявлялись, — бессмертны. И мы всегда добрым словом будем вспоминать тех, кто совершал благородные подвиги, и тех, кто вдохновенно рассказал о них нам, наследникам всего лучшего на земле.

С. Шиловский

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник¹ простой,

В ту бездну прыгнет с вышины?

Бросаю мой кубок туда золотой:

Кто сыщет во тьме глубины

Мой кубок и с ним возвратится безвредно,

Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы.

Висевшей над бездной морской,

В пучину бездонной, зияющей мглы

Он бросил свой кубок златой.

«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?

Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

¹ Лátник — воин-солдат, одетый в латы.

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В мсглчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж¹ молодой
Смиренно и дерзко вперёд;
Он снял епанчу², и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладёт...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воет, и свищет, и бьёт, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнём,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

¹ Паж — молодой слуга, дворянин по происхождению, при особе правителя страны или его супруги.

² Епанча — старинная верхняя одежда в виде широкого и длинного плаща.

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось чёрною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощённого чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упрядя разъярённый прилив,
Спасителя-бога призвал,
И дрогнули зрители, все возопив, —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасёт никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне её воеет...
И сердце у всех ожиданием ноет.'

«Хоть брось ты туда свой венец золотой.
Сказав: *кто венец возвратит,*
Тот с ним и Престол мой разделит со мной! —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закружённых волной,
Глотала её глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С её неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалёкой.

И воеет, и свищет, и бьёт, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнём,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным рёвом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял. —
Чудеснее подвига нет!

Из тёмного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царёвым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал
Дать юноше кубок с струёй винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живёт на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлёл
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принёс,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утёс
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно всё было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;

Всё спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в чёрной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

¹ Млат водяной, и уродливый скат, и ужас морей однозуб... и... мокой ненасытный — млат — рыба-молот; скат — гигантская рыба с плавниками, так же, как и угорь, обладающая электрическим зарядом, способным парализовать крупную рыбу; однозуб — возможно, меч-рыба, мокой — морская гиена — хищные обитатели морских глубин

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова¹.

И я содрогался... вдруг слышу: ползёт
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомёта порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

¹ Н е м о в а - старинная народно-поэтическая форма слова «немого». Ниже встречается такая же форма «морскова» (вместо «морского»).

Но царь, не внимая, свой кубок златой
 В пучину швырнул с высоты:
 «И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
 Когда с ним воротишься, ты;
 И дочь моя, ныне твоя предо мною
 Заступница, будет твоею женою».

В нём жизнью небесной душа зажжена;
 Отважность сверкнула в очах;
 Он видит: краснеет, бледнеет *она*;
 Он видит: в *ней* жалость и страх...
 Тогда, неописанной радостью полный,
 На жизнь и погибель он кинулся в волны..

Утихнула бездна... и снова шумит...
 И пеною снова полна...
 И с трепетом в бездну царевна глядит...
 И бьёт за волною волна...
 Приходит, уходит волна быстротечно:
 А юноши нет и не будет уж вечно.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ¹

Раз Карл Великий² пировал;
 Чертог богато был украшен;
 Кругом ходил златой бокал;
 Огромный стол трещал от брашен³;
 Гремел певцов избранных хор;
 Шумел весёлый разговор;
 И гости вдоволь пили, ели,
 И лица их от вин горели.

¹ Оруженосец — прислужник рыцаря, Роланд: — распространённое имя героя, встречающееся в западной (французской, итальянской) народно-героической поэзии. Особенно известна средневековая французская поэма «Песнь о Роланде».

² Карл Великий — выдающийся полководец, король и впоследствии император франков. Жил в конце VIII — начале IX века.

³ Брашно (брашен; старинное слово) — яство, пища.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда ещё Артусов чудный
Не завоёван талисман?»¹
Его укравший великан
Живёт в Арденском лесе² тёмном,
Он на щите его огромном».

Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агландский граф Милон, Мерлин³,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжёлые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой
Роланд сказал: «Возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.

¹ Арту́сов... талисма́н — талисман короля Артура (Арту́са) — главного персонажа средневекового романа о рыцарях «Круглого стола»; талисман — предмет, по суеверным представлениям обладающий волшебными свойствами, силой.

² Арде́нский лес — лес на западе Франции, там, где проходят невысокие горные гряды Арденны.

³ Оливьер, Гварин, Гемон, Наим Баварский, Милон, Мерлин, Тюрпин, упоминаемый на стр. 27, — сподвижники и подданные (вассалы) Карла Великого.

Ваш подвиг не по лётам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне
Я вёз, простым твоим слугою,
Копьё и щит твой за тобою»..

В Арденский лес одним путём
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьём, щитом
Смирненно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржёт и пышет.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи:
А великана всё им нет.

Вот на четвёртый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сений,
Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество оленей,
Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца
И мыслит: «Что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копьё, и добрый щит,
И острый меч, и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный».

И вот он на бедро своё
Повесил меч отцов тяжёлый;
Взял длинное его копьё
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

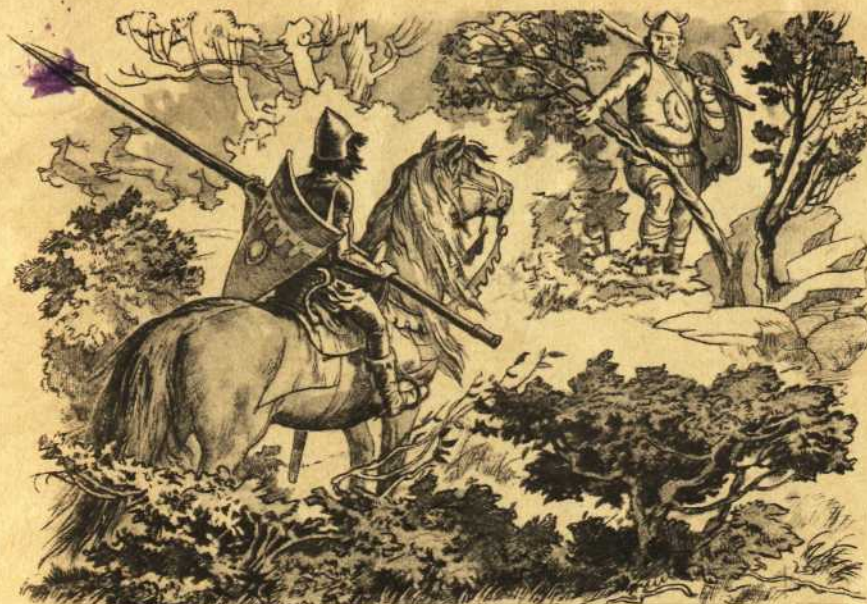

Его увидя, сморщил нос
 С презреньем великан спесивый.
 Откуда ты, молокосос?
 Не по тебе твой конь ретивый;
 Смотри, тебя длинней твой меч;
 Твой щит с твоих ребячьих плеч,
 Тебя переломив, свалится;
 Твоё копьё лишь мне годится».

«Дерзка твоя, как слышу, речь;
 Посмотрим, таково ли дело?
 Тяжёл мой щит для детских плеч —
 Зато за ним стою я смело;
 Пусть неуч я — мой конь учён;
 Пускай я слаб — мой меч силён;
 Отведай нас; уж мы друг другу
 Окажем в честь тебе услугу».

Дубину великан взмахнул,
 Чтоб вдребезги разбить нахала,
 Но конь Роландов отпрыгнул;
 Дубина мимо просвистала.
 Роланд пустил в него копьём;
 Оно осталось с остриём,
 Погнутым силой талисмана,
 В щите пронзённом великана.

Роланд отцовский меч большой
 Схватил обеими руками;
 Спешит схватить противник свой;
 Но крепко стиснут он ножами;

Ещё меча он не извлек,
 Как руку левую отсек
 Ему наш витязь; кровь струёю;
 Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
 Кипучей кровию облитый:
 Утратив чудный талисман,
 Он вдруг остался без защиты;
 Вслед за щитом он побежал;
 Но по ногам вдогонку дал
 Ему Роланд удар проворный:
 Он покатился глыбой чёрной.

Роланд, подняв отцовский меч,
 Одним ударом исполину

Отрушил голову от плеч;
Свистя, кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он талисман, блиставший в нём
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струёй ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путём
В то место, где отец остался;
Отец ещё не просыпался.

С ним рядом лёг Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился
И спал, куда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Подай мой шлем, мой меч подай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьём, щитом —
Но о случившемся ни слова.
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцирь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая груда!
Ещё ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?.. Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я проспал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: «Страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?.. Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Своё копьё перед собою
С отрубленною головою».

Гемон, с нахмуренным лицом
Приблизась, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом
И Карлу так сказал: «Плохую
Добычу я завоевал;

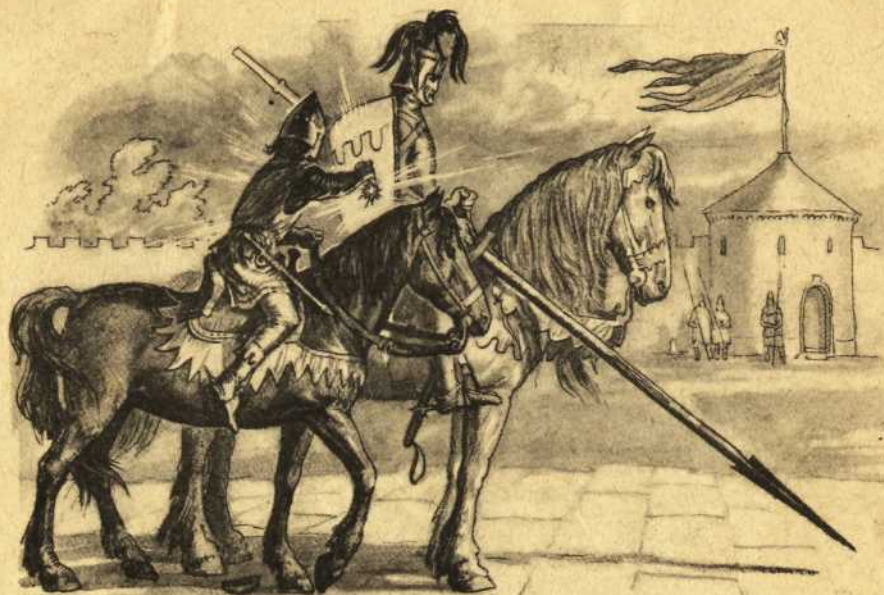
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий.
«Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие мощи».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его огромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шёл рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомлённый;
Конь, великановым мечом
И панцирем обременённый,
Едва копыта подымал.
«Всё это с мертвеца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,

И все кричат: «Вот паладин¹,
Завоеватель талисмана!»
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашёл я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и граф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
С его копьём, с его щитом,

¹ Паладин — рыцарь-страниик.

И светятся, как звёзды ночи,
Под шлемом удалые очи.

И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его середины
Златую бляху,, утвердил
Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,-
Как с чёрной тучи день небесный.

И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «Ты, граф Милон,
Исполнил наше упованье;

Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За Славный подвиг в награжденье
Прими от нас благоволение».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «Прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался».

СОДЕРЖАНИЕ

С. Шиповский. В. А. Жуковский и его	
баллады	3
КУБОК	7
РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ	17

Для младшего возраста

Жуковский В. А.
КУБОК

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Ответственный редактор *И. В. Воробьева*. Художественный редактор *А. В. Панина*. Технический редактор *З. М. Кузьмина*. Корректор *И. А. Сафронова*. Сдано в набор 8/1 1964 г. Подписано к печати 17/VI 1964 г. Формат 60х90^{1/16}. 2 печ. л. (1,16 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. ТП 1964 М 152. Цена 4 коп. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 261.